

Шэнь Чжоу сидел рядом, развалив ноги, и начал говорить:

— Я хотел спросить тебя... ну, это самое...

— Что самое?

Ци Шань нахмурился, чувствуя, что Шэнь Чжоу что-то от него скрывает.

— Ну, это самое...

Шэнь Чжоу почесал голову, понимая, что говорить о Сюаньсюане напрямую пока не стоит, и потому задал случайный вопрос.

— Син Лэй тебе ответил?

— Нет, — ответил Ци Шань. — Уже три дня прошло, а от него никаких вестей. Зато многие хотят устроить гонки.

— Кто именно?

Шэнь Чжоу заинтересовался.

— Вэй Сы, — вспомнил Ци Шань только его, довольно наглого парня.

— Ты согласился?

Шэнь Чжоу знал Вэй Сы ещё с прошлогоднего чемпионата.

Вэй Сы тогда занял первое место, став знаменитым. Второй гонщик, пытавшийся его обогнать, был буквально выброшен с трассы.

Скорость на гонках была огромной, и сила удара была невообразимой. Говорили, того гонщика от удара так перекосило, что у него всё внутрь втянулось.

Вэй Сы стал легендой, известным своей жестокостью.

— Нет, — ответил Ци Шань. Он знал, что на прошлых гонках он опередил Вэй Сы, и тот с тех пор затаил обиду. Теперь он снова предложил гонки, явно желая взять реванш.

Недавно, когда Вэй Сы позвонил ему, Ци Шань был в автомастерской.

Рядом был Большой Пес, и Ци Шань включил громкую связь. Услышав, что Вэй Сы предлагает гонки на горной трассе, Большой Пес только покачал головой.

Вэй Сы жил в соседней с Цзиньчэном провинции, где были горные дороги. Он каждый день катался на своём мотоцикле по этим трассам, а Ци Шань никогда не ездил по горным дорогам.

Горные трассы опасны, внизу — обрывы, и любая ошибка может закончиться гибелью.

— Горные дороги крутые, и только Вэй Сы и его компания на суперкарах решаются на такое, — покачал головой Шэнь Чжоу. — Раньше Вэй Сы не был мотоциклистом, он был гонщиком Формулы-1. Поэтому любит показывать своё мастерство.

Ци Шань наклонил голову.

— Вэй Сы хочет поставить на машину.

Мало кто решается на такое, разве что ради денег.

— Сколько?

— спросил Шэнь Чжоу.

— Шестьдесят тысяч.

Если он выиграет, эти деньги достанутся Ци Шаню. Условия звучали заманчиво, но Ци Шань, хоть и нуждался в деньгах, не был готов рисковать жизнью.

— Высокий риск, высокая награда, — цокнул языком Шэнь Чжоу. — Вообще, Вэй Сы довольно странный.

— В каком смысле?

— Он вырос в бедной семье, но потом его отец стал владельцем угольной шахты, и они разбогатели. С тех пор Вэй Сы начал ездить на суперкарах, вращаться в кругах богатых наследников, ведя себя наглее всех. Потом он участвовал в гонках Формулы-1 в Европе, и если проигрывал, то рычал от злости, занимаясь самобичеванием.

Шэнь Чжоу закурил, положив одну руку на спинку скамейки за Ци Шанем, а другой держа сигарету.

Вспоминая те гонки, Шэнь Чжоу заметил, что Вэй Сы действительно был расстроен, когда проиграл, и даже ударил себя по лицу.

— По-моему, он просто не чувствует себя значимым. Раньше он бедствовал, а теперь требует от себя быть самым лучшим, и если проигрывает, то воспринимает это как конец света.

Шэнь Чжоу прищурился, выпуская дым.

— То, чего нет внутри, невозможно изобразить.

Шэнь Чжоу помнил, как в детстве дети мерялись ростом. Самый низкий всегда старался выпрямиться, стоять как можно ровнее.

Не от гордости, а от неуверенности.

Он боялся насмешек, поэтому сам начинал смеяться над другими.

Наглость Вэй Сы — это всего лишь попытка скрыть свою слабость.

— Почему мы вообще о нём говорим?

— Мы же обсуждали гонки, — Шэнь Чжоу потушил сигарету в урне, сильно прижав окурок. — Не будем больше о нём, это только портит настроение. Кстати, насчёт вступления в команду, Син Лэй, наверное, тоже в затруднении.

— Ты вдруг начал заботиться о нём?

Ци Шань усмехнулся.

— Не заметил, что ты такой добрый.

— Я не о нём забочусь, — взглянул на него Шэнь Чжоу, его тёмные глаза блеснули. — Я о тебе забочусь.

Шэнь Чжоу не хотел быть обузой для Ци Шаня. Тот заслуживал наград и аплодисментов, он должен был выйти на более широкую арену.

Потому что у него был талант.

— Всё в порядке, — Ци Шань погладил Шэнь Чжоу по голове. — Я смогу сиять где угодно.

Шэнь Чжоу потёр волосы и улыбнулся.

— Ты как светодиод.

— Биу-биу-биу, — усмехнулся Ци Шань, сделав из руки пистолет и направив его в бок Шэнь Чжоу.

Шэнь Чжоу сразу поднял руки.

— Я сдаюсь.

— Сдаёшься — не стреляю.

Ци Шань встал со скамейки, глядя на Шэнь Чжоу сверху вниз.

Шэнь Чжоу улыбнулся, резко встал и, обхватив Ци Шаня за шею сзади, наклонил его вниз, устроив контратаку.

Ци Шань не ожидал такого, засмеялся.

— Чжоу, это шутка, не надо всерьёз.

Шэнь Чжоу приблизился к его уху и с торжеством сказал:

— Сдаёшься?

Ци Шань закашлялся от давления, но в этот момент зазвонил телефон.

Шэнь Чжоу отпустил его, позволив ответить.

Он тоже посмотрел на время на своём телефоне. Уже почти три часа, и если они не поторопятся, то не успеют пройти все пять аттракционов.

— Чжоу, сегодня не получится, — Ци Шань, закончив разговор, нахмурился. — С Сюаньсюанем что-то случилось.

— Что именно?

— Он в больнице, дядя просит меня приехать.

В глазах Ци Шаня читалась тревога. Он указал на вход.

— Ты заходи, а я поеду в больницу.

— У меня тоже нет настроения для развлечений, я поеду с тобой, — сказал Шэнь Чжоу, открыв приложение для вызова такси.

Они сели в машину и вскоре оказались в больнице.

Внутри всё было белым, безжизненным, как будто покрытым известью. Запах дезинфицирующего средства проникал в нос, заставляя взбодриться.

В палате дядя сидел на кровати, держа Сюаньсюаня на руках.

Сюаньсюань, как тонкий росток, опустил голову. Его лицо было бледным, а взгляд — усталым.

Ци Шань бросился к нему, присев перед кроватью.

— Опять тошнило?

— Да, только что выпил лекарство, врач сказал, что нужно сделать ещё один сеанс лучевой терапии, — вздохнул дядя, глядя в пол. — Что за напасть такая.

Ци Шань ничего не ответил, только сжал руку Сюаньсюаня.

— Голова ещё кружится?

— Нет, — Сюаньсюань скривился, обнял Ци Шаня за шею и разрыдался.

Шэнь Чжоу стоял рядом, слушая душераздирающие рыдания Сюаньсюаня, чувствуя, как что-то внутри него медленно опускается на дно озера.

Никто не говорил, атмосфера была тяжёлой.

Шэнь Чжоу в этой напряжённой обстановке понял, что состояние Сюаньсюаня, возможно, серьёзнее, чем он думал.

Поплакав, Сюаньсюань вытер слёзы рукой и, покачав головой, сказал:

— Братец, со мной всё в порядке, не волнуйся.

Дядя посадил его на кровать и вывел Ци Шаня из палаты.

На пороге он кивнул Шэнь Чжоу и, обернувшись, сказал:

— Сюаньсюань, побудь с этим братом, мне нужно поговорить с твоим братом.

Шэнь Чжоу наконец понял, что происходит, и, стоя перед Сюаньсюанем, достал из кармана конфету. Он не помнил, когда положил её туда, но она уже слиплась в комок.

Он положил конфету в руку Сюаньсюаня и крепко сжал его маленькую ладонь.

Сюаньсюань, слёзы затуманивали его взгляд, смотрел на него, не говоря ни слова.

Шэнь Чжоу моргнул.

— Сюань, ты самый лучший.

Сюаньсюань скривился, пытаясь сдержать слёзы, аккуратно развернул растаявшую конфету,

положил её в рот, разжевал и улыбнулся Шэнь Чжоу, конфета всё ещё прилипла к зубам.

Эта крошечная сладость смогла утешить Сюаньсюаня.

Шэнь Чжоу почувствовал, как сердце сжалось, но он всё же попытался улыбнуться.

Через несколько минут Ци Шань вернулся в палату один. Его лицо, как обычно, не выражало эмоций.

Шэнь Чжоу смотрел на него, невольно хмурясь. Всё его лицо казалось каменным, с чёткими линиями и пустым взглядом.

Потому что Ци Шань знал, что печаль бесполезна. Печаль — это сдача перед реальностью.

<http://bllate.org/book/16828/1547603>